

ИЗМЕНА

СЛУЧИЛОСЬ ТАК,
КАК ТЫ (НЕ) ХОТЕЛ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Измена. Случилось так, как ты (не) хотел

<https://litres.ru/74216058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она держала новорождённого сына на руках, когда в палату вошла свекровь. Анжела Викторовна не поздравила её, не взглянула на внука — лишь холодно отрезала, что брать ребёнка не собирается. И эта ледяная отстранённость ударила сильнее пощёчины.

Свекровь закрыла за собой дверь родильной палаты и положила на тумбочку папку. Первобытный инстинкт уже кричал молодой матери — хватай ребёнка и беги. Беги от этой женщины, от её мёртвого взгляда, от того страшного, что вот-вот случится.

Но бежать было некуда.

Анжела Викторовна спокойно, почти равнодушно сообщила: Святослав больше не хочет её видеть. Ни её. Ни этого ребёнка. Её сын наконец прозрел и понял, с кем связал свою жизнь. Каждое слово падало на душу камнем, мир качнулся, стены поплыли перед глазами.

А потом свекровь достала из папки документы. Тест ДНК. Чёрным по белому — ребёнок не от Святослава.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ульяна Соболева

Измена. Случилось так, как ты (не) хотел

Глава 1

От лица Марины

Боль пульсировала где-то глубоко внутри, разливаясь волнами по всему телу. Я лежала на больничной койке в одной из лучших палат городской клинической больницы — той самой, где главным врачом работал мой муж. Святослав настаивал, чтобы роды прошли здесь, под присмотром его коллег, лучших специалистов. «Только самое лучшее для тебя и нашего малыша», — повторял он, целуя мой округлившийся живот.

Кесарево сечение прошло успешно. Швы тянули, каждое движение отзывалось тупой ноющей болью, но это было совершенно неважно. Рядом со мной, в прозрачной пластиковой кроватке, сопел носиком мой сын. Крошечный, с копной темных волос, сжимающий кулачки во сне. Совершенный. Мое маленькое чудо.

— Данилка, — прошептала я, осторожно протягивая руку к кроватке. — Мой мальчик...

Смотреть на него было больно от избытка чувств. Сердце готово было разорваться от нежности, от благодарности судьбе за этот невероятный дар. Девять месяцев ожидания, страхов, надежд — и вот он здесь, дышит, существует, мой сын.

Я вспомнила, как Святослав нервно расхаживал по коридору перед операционной. Знаменитый нейрохирург, спасший сотни жизней, проводивший сложнейшие операции на мозге, в тот момент выглядел как загнанный зверь. Сжимал мою руку так сильно, что оставил следы на запястье.

— Только бы все прошло хорошо, — шептал он, целуя мои пальцы. — Только бы вы оба были здоровы, Маришка. Я не переживу, если что-то случится...

Его голос дрожал, и я видела настоящий страх в его глазах. Святослав, который держал в руках человеческий мозг, который принимал решения за доли секунды в операционной, боялся. Боялся потерять нас.

Данилка тихонько захныкал, и я осторожно, стараясь не потревожить швы, повернулась на бок. Взяла его на руки — такого легкого, хрупкого, пахнущего молоком и чем-то сладким, младенческим. Прижала к груди, чувствуя, как его тепло проникает сквозь больничную рубашку.

— Папочка скоро придет, — прошептала я, укачивая малыша. — Он так ждал встречи с тобой. Так мечтал поддерживать на руках...

Святослав был на операции, когда я рожала. Экстренный

случай — сложнейшая нейрохирургическая операция, от которой зависела жизнь человека. Он разрывался между операционной и родильным отделением, но долг врача победил. «Прости меня», — написал он в сообщении, когда меня уволили на кесарево. Я не сердилась. Я знала, за кого выходила замуж. Знала, что его руки спасают жизни.

Время в послеродовой палате тянулось медленно. За окном пасмурный день сменялся вечером, и я думала о том, какой будет наша жизнь теперь. Втроем. Полноценная семья. Святослав, который до сих пор проводил по двенадцать часов в операционной, обещал, что теперь будет больше времени уделять дому. «Я хочу видеть, как растет мой сын», — говорил он.

Планы рисовались в голове яркими красками. Первые шаги Данилки по квартире, первые слова, семейные выходные, когда Святослав будет свободен от дежурств. Я представляла, как мы будем гулять втроем в парке, как я буду готовить ужины, а он — рассказывать сыну о своей работе, о том, как важно помогать людям.

Я закрыла глаза, и в памяти всплыла наша первая встреча. Я работала медсестрой в приемном покое, а он пришел на консультацию к одному из пациентов. Высокий, с уверенными движениями хирурга, с пронизательным взглядом темных глаз. Тогда я еще не знала, что передо мной ведущий нейрохирург страны, чьи статьи публикуются в международных журналах.

«Вы не подскажите, где ординаторская?» — спросил он, и я растерялась от его улыбки. А через неделю он пригласил меня на кофе. А через месяц мы уже не представляли жизни друг без друга.

Свадьба была пышной. Анжела Викторовна, его мать, настояла на торжественной церемонии. «Мой сын — видный человек, — говорила она, — и его свадьба должна соответствовать статусу». Тогда я не обращала внимания на холодок в ее голосе, когда она смотрела на меня. Думала, что со временем мы станем ближе.

Какой же я была наивной.

Дверь палаты тихо скрипнула, вырывая меня из воспоминаний. Я подняла голову, ожидая увидеть медсестру или самого Святослава, но в проеме стояла Анжела Викторовна. Высокая, элегантная, в дорогом костюме. Лицо застыло холодной маской, а в руках — папка с документами.

Что-то в ее взгляде заставило меня инстинктивно прижать Данилку крепче к груди. Мурашки побежали по коже. В горле пересохло.

— Марина, — произнесла она тоном, которым разговаривают с провинившейся прислугой. — Нам нужно поговорить.

— Анжела Викторовна, — я попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Как хорошо, что вы пришли. Хотите поддержать внука?

— Не надо, — отрезала она, и эта холодность ударила

больнее любой пощечины.

Она прошла в палату, закрыла дверь. Положила папку на прикроватную тумбочку. Движения четкие, выверенные, хирургические. Наверное, Святослав унаследовал эту точность от нее.

— Что случилось? — спросила я, хотя первобытный инстинкт уже кричал, чтобы я взяла ребенка и бежала. Бежала прочь от этой женщины, от ее ледяного взгляда, от чего-то страшного, что сейчас произойдет.

— Святослав больше не хочет тебя видеть, — произнесла Анжела Викторовна, и каждое слово упало на мою душу как камень. — Ни тебя, ни этого... ребенка.

Мир качнулся. Стены поплыли перед глазами. Я смотрела на нее, не понимая слов. Они не укладывались в голове, не имели смысла.

— Что? — выдохнула я. — О чем вы?

— О том, что мой сын наконец прозрел, — ее голос был спокойным, почти равнодушным. — И понял, с кем связал свою жизнь.

Она открыла папку, достала несколько листов. Я узнала логотип — это была одна из самых престижных генетических лабораторий города. Той самой, где работал знакомый Святослава.

— Тест ДНК, — пояснила она, протягивая мне документы. — Этот ребенок не от Святослава.

Листы выпали из моих дрожащих пальцев. Они медлен-

но планировали на пол, как осенние листья, и я смотрела на них, не в силах пошевелиться. В ушах звенело. Перед глазами плыли черные круги.

— Это невозможно, — прошептала я. — Я... я никогда... Только Святик... Я никого, кроме него...

— Врать больше нет смысла, — перебила меня свекровь. — Всё уже известно. И про охранника Игоря тоже.

Игоря? Охранника из больницы? Того молодого парня, который иногда подвозил меня от главного входа до роддома, когда я приходила на плановые осмотры? О чем она говорит?

В голове творился хаос. Мысли метались, как загнанные звери, пытаюсь найти хоть какой-то смысл в происходящем. Но его не было. Это был кошмар. Это должен был быть кошмар, из которого я сейчас проснусь.

— Святослав женится на Виктории, — продолжала Ангела Викторовна, словно читала приговор. — Она давно рядом с ним. Достойная девушка из хорошей семьи, дочь профессора медицины. А ты... зачем моему сыну деревенщина? Я с самого начала говорила, что ты ему не пара!

Каждое слово било в самое больное место. Деревенщина. Она никогда не скрывала своего презрения к моему происхождению. Я выросла в маленьком городке, у меня не было высшего образования, я работала медсестрой. А ее сын — блестящий хирург, светило медицины, чьи имя знали не только в стране, но и за рубежом.

— Анжела Викторовна, пожалуйста, — я задыхалась от слез. — Пусть Святослав сам придет. Пусть посмотрит мне в глаза и скажет...

— Он не придет, — отрезала она. — Сказал, что не хочет больше видеть твое лицо. Что его тошнит от одной мысли о том, какая ты лживая тварь.

Эти слова вонзились в меня, как скальпель. Святослав так сказал? Мой Святик, который еще вчера целовал мой огромный живот и шептал, что мы будем самой счастливой семьей на свете? Который обещал, что будет лучшим отцом в мире?

— Здесь заявление о расторжении брака, отказ от имущественных требований и согласие на оспаривание отцовства, — Анжела Викторовна достала ещё несколько листов. — Подпишешь, а дальше адвокаты всё оформят. Ты недостойна носить фамилию Лебедевых.

Я смотрела на бумаги сквозь пелену слёз. Буквы расплывались, но я различала главное: развод, отказ от претензий на имущество, согласие на судебное оспаривание отцовства. Эти подписи ещё не могли мгновенно лишить меня прав или завершить развод, но тогда я этого почти не понимала.

— Я не подпишу, — прошептала я, но голос дрожал так сильно, что слова едва были слышны.

— Подпишешь, — уверенно сказала Анжела Викторовна. — Потому что у тебя нет выбора. У тебя нет денег, работы и собственного жилья. После свадьбы ты бросила больницу, помнишь? Куда ты пойдёшь с младенцем? В маленький го-

род к отцу, который после выхода на пенсию почти не сохнет? Или на улицу?

Она была права, и мы обе это знали. После свадьбы я оставила работу. Святослав настоял — хотел, чтобы я занималась домом, готовилась к материнству, а не стояла на ногах в приемном покое. Квартира была его. Машина — его. Даже мобильный телефон был на его имя. Я была полностью зависима от него.

Я была никем.

— Но есть условие, — добавила свекровь, и в ее голосе прозвучали нотки, от которых по спине побежали ледяные мурашки. — Ты исчезаешь полностью. Не пытаешься связаться со Святославом, не появляешься в его жизни, не пишешь, не звонишь. Если нарушишь — пожалеешь. У моего сына связи по всему городу. В каждой больнице, в каждой клинике. Он главный врач, понимаешь? Тебя никуда не возьмут на работу. Никуда.

Угроза прозвучала буднично, и от этого стала еще страшнее. Я поняла, что передо мной стоит не просто злая свекровь. Это настоящий монстр в человеческом обличье. Монстр, который только что разрушил мою жизнь и даже не дрогнул.

Данилка тихо заплакал, словно чувствуя мое отчаяние. Я прижала его к груди, но сама тряслась так сильно, что только усугубляла его беспокойство. Слезы текли по моим щекам, капали на его крошечную головку.

— Подписывай, — Анжела Викторовна положила передо мной ручку. — И заканчивай этот спектакль.

Я взяла ручку дрожащими пальцами. Документы лежали передо мной, как приговор. Каждая буква — гвоздь в крышку гроба моего счастья. Каждая строчка — конец всему, во что я верила.

Но что мне оставалось? Бороться? С кем? С главным врачом больницы, с ведущим нейрохирургом страны, у которого связи везде? С его матерью, у которой, судя по всему, нет ни капли сочувствия? У меня не было ни денег на адвоката, ни сил на битву.

Я была сломлена. Опустошена. Разбита на мелкие осколки.

Я подписала.

Каждая закорючка моего имени давалась с невероятным трудом. Я будто вычёркивала себя из жизни Святослава. Марина Лебедева переставала существовать. Оставалась Марина Лазарева — никому не нужная, с младенцем на руках.

— Умница, — удовлетворённо кивнула Анжела Викторовна, забирая бумаги. — После медицинского осмотра тебя выпишут, не раньше. К пятому дню твои вещи привезут сюда. Получишь только самое необходимое. Больше в дом моего сына ноги не ставь.

Она развернулась, направляясь к двери, но на пороге остановилась. Обернулась, и в ее глазах я увидела такую ненависть, что кровь застыла в жилах.

— И, Марина, — проговорила она медленно, — если когда-нибудь передумаешь и попытаешься искать встречи с моим сыном, помни: у меня есть связи повсюду. В полиции, в администрации, в больницах. Я найду способ сделать так, чтобы ты пожалела о своем существовании. И этот ребенок тоже пожалеет.

Дверь закрылась с тихим щелчком, оставив меня наедине с разрушенным миром.

Я сидела на больничной койке, качая плачущего Данилку, и чувствовала, как внутри медленно умирает что-то важное. Не любовь к Святославу — она кричала, билась, отказывалась верить в происходящее. Не надежда на будущее — она еще теплилась где-то глубоко. Умирала вера в справедливость. В то, что хорошие люди существуют. В то, что правда имеет значение.

За окном начался дождь. Капли стекали по стеклу, как слезы, и я думала о том, что судьба — жестокая художница. Она рисует картины человеческой боли с такой детализацией, с такой скрупулезностью, что хочется закрыть глаза и никогда больше их не открывать.

Но я не могла себе этого позволить.

У меня на руках был Данилка. Маленький, беззащитный, невинный. Он зависел только от меня. И пусть мой мир рухнул, пусть сердце разбито в осколки — я должна была быть сильной. Ради него. Только ради него.

— Мы справимся, — прошептала я, целуя его мягкую

темную головку. — Я не знаю как, но мы справимся, мой мальчик. Обещаю тебе.

Слова прозвучали в пустой палате как клятва. Как обещание, которое я дала не только сыну, но и себе. Я выживу. Я найду работу. Я подниму этого ребенка. И может быть, когда-нибудь узнаю правду о том, кто и зачем разрушил мою жизнь.

Но не сегодня.

Сегодня я просто буду плакать и держать на руках единственное, что у меня осталось. Ребенка, который не виноват в том, что его мать оказалась недостойной великого хирурга. Ребенка, который стал моим с первой секунды, как я увидела его.

За окном дождь усиливался, и казалось, что само небо плачет о моей разбитой судьбе. Гром прокатился где-то вдалеке — как эхо приговора, который только что был вынесен мне.

Я прижала Данилку к груди и закрыла глаза, пытаюсь не думать о том, что будет завтра. О том, куда я пойду с новорожденным на руках. О том, как буду жить без денег, без дома, без поддержки.

Но одна мысль билась в голове, как птица в клетке:

«Святослав не мог так поступить. Он не мог. Это все она. Это все Ангела Викторовна».

И где-то глубоко внутри, несмотря на боль и отчаяние, зародилось крошечное семя надежды.

Когда-нибудь я узнаю правду.

Когда-нибудь справедливость восторжествует.

Когда-нибудь...

Но пока — только дождь за окном, слезы на щеках и сопящий младенец на руках. Это все, что у меня было в тот момент.

И это было одновременно слишком мало и слишком много, чтобы продолжать жить.

Глава 2

От лица Анжелы Викторовны

Я всегда знала, что эта провинциалка принесёт моему сыну одни неприятности. Знала с того дня, когда Святослав привёл её в наш дом и объявил, что женится. Марина Лазарева — обычная медсестра из маленького города, без высшего образования, связей и светских манер. Дочь заводского мастера, который теперь жил на пенсию и всё чаще пил. Но мой наивный сын был ослеплён её напускной скромностью.

— Мама, она особенная, — твердил он тогда, а я смотрела на эту «особенную» и видела насквозь. Видела расчетливый блеск в ее мышинных глазках, притворную застенчивость, фальшивые румянцы на круглых щеках. Охотница за статусом — вот кто она такая. Обычная деревенщина, которая нацепила белый халат медсестры и решила поймать себе богатого врача.

Мой Славик — ведущий нейрохирург страны. Его статьи публикуются в самых престижных медицинских журналах мира. К нему приезжают на консультации из-за рубежа. Его операции называют чудесами современной медицины. А эта деревенщина... Эта Маринка с её третьеразрядным медицинским училищем и работой в приемном покое думала, что достойна моего сына?

Я поклялась себе тогда, что не дам этой провинциалке

разрушить блестящую карьеру моего единственного ребенка. Не позволю ей опозорить фамилию Лебедевых.

Сейчас, сидя в своем кабинете и перебирая документы генетической экспертизы, я чувствовала глубокое удовлетворение. Материнское сердце никогда не ошибается. Все эти девять месяцев, пока эта толстуха ходила с выпирающим животом и изображала счастливую будущую мать, я готовила почву. Наблюдала. Планировала. Выстраивала нужные связи.

И вот результат передо мной черным по белому: ребенок не от Святослава.

Я откинулась в кожаном кресле, чувствуя, как по венам растекается горячая волна торжества. А эта деревенщина думала, что сможет обмануть меня? Анжелу Викторовну Лебедеву, профессора и врача из семьи, где три поколения служили медицине? Вдову профессора медицинских наук, мать главного врача одной из лучших больниц города?

Конечно, мне пришлось приложить усилия. Без согласия родителей получить биоматериал новорождённого, добыть образец Святослава, провести исследование вне официальной процедуры и скрыть происхождение проб. Алла Кравцова, заведующая лабораторией и моя давняя подруга, согласилась закрыть глаза на цепочку передачи материалов. Материнская любовь, убеждала я себя, оправдывает любые средства.

Помню тот день, когда она впервые переступила порог на-

шей квартиры. Дешевое платье, стоптанные туфли, растрепанные волосы, собранные в неаккуратный хвост. Говорила «ложить» вместо «класть», держала вилку как лопату, не знала базовых правил этикета. Деревенщина до мозга костей.

А мой Славик смотрел на нее влюбленными глазами и не замечал очевидного. Блестящий хирург, гений своего дела, человек, спасающий жизни — и эта... медсестричка из захолустья. Позор.

— Она такая искренняя, мама, — говорил он. — В ней нет фальши, не то что в тех светских львицах, которых ты мне подсовываешь.

Фальши! Да она вся была сплошной фальшью! Эта показная скромность, наигранная простота, притворная любовь к медицине — все рассчитано на то, чтобы зацепить богатого врача. Я видела, как она оценивающе осматривала нашу квартиру в центре, как загорались её глазки при виде антикварной мебели и картин. Как она улыбалась, когда Славик говорил о своих заработках.

Но хуже всего было то, что он женился на ней. Святослав хотел подарить Марине настоящий праздник, а я настояла, чтобы свадьба была пышной, дорогой и соответствовала статусу семьи. Деревенщина получила свою сказку и мою фамилию.

А потом эта комедия с беременностью. Святослав носился вокруг неё как ненормальный, переносил совещания, чтобы

сопровождать её на важные обследования, покупал витамины и одежду для беременных. Я смотрела на всё это и понимала: пора действовать радикально.

Я не могла допустить, чтобы эта деревенщина окончательно привязала к себе моего сына через ребенка. Не могла позволить ей родить и навсегда опутать Славика семейными узами. Поэтому я разработала план.

Детали? Достаточно сказать, что у меня были связи в больнице и в лаборатории. Алла Кравцова провела анализ по незаконно полученным образцам и оформила его так, будто происхождение материалов проверено. Результат оказался тем, на который я рассчитывала после подмены: ребёнок не был сыном Святослава.

Бумага из престижной лаборатории выглядела как неопровержимое доказательство измены. Кто станет проверять, откуда взяты образцы и что происходило в родильном отделении до их передачи?

Оставалось только правильно преподнести это сыну.

Я вызвала Славика к себе в тот день, когда деревенщина лежала в роддоме после кесарева. Он примчался сияющий, счастливый, с огромным букетом пионов для жены. Боже, как мне было тяжело разрушать его иллюзии! Но материнский долг превыше всего. Лучше пусть сейчас будет больно, чем всю жизнь он будет привязан к этой провинциалке.

— Сядь, Славик, — сказала я, указывая на кресло в гостиной. — Нам нужно серьезно поговорить.

Он сел, все еще улыбаясь, мой наивный, доверчивый мальчик. Гений в операционной и полный ребенок в жизни.

— Мам, если ты опять про то, что мне нужно больше отдыхать, то не волнуйся. Теперь я возьму отпуск, хочу быть рядом с Мариной и малышом...

— Святослав, — перебила я, и что-то в моем тоне заставило его замолчать. — Ребенок не твой.

Повисла тишина. Славик смотрел на меня, не мигая, словно не понимая смысла сказанного. Лицо побелело. Букет выскользнул из пальцев и упал на пол.

— Что? — прохрипел он. — О чем ты?

Я протянула ему папку с результатами экспертизы. Смотрела, как меняется его лицо, как из розового становится серым, как гаснет радость в глазах и разливается холодный ужас. Как рушится его мир.

— Это невозможно, — прошептал он, трясущимися руками держа документы. — Марина не могла... Она не такая...

— Она именно такая, — жестко сказала я. — Эта деревенщина обманула тебя, Славик. Обычная провинциалка оказалась еще и изменницей.

Он сжимался на глазах, словно от физической боли. В его глазах я видела, как рушится целый мир — тот идеальный мир семейного счастья, который он так старательно строил вокруг этой недостойной женщины.

— Мама, — выдохнул он, и в этом слове было столько отчаяния. — Я так её любил... Я думал, что мы будем счаст-

ЛИВЫ...

— Я знаю, сынок, — я подошла и положила руку ему на плечо. — Понимаю, как тебе больно. Но лучше узнать правду сейчас, чем жить в обмане. Эта толстуха не стоит твоих слез. Ты — главный врач больницы, ведущий нейрохирург страны. Твои статьи цитируют в мировых изданиях. Тебя приглашают на международные конференции. А она... обычная медсестричка, которая даже высшего образования не имеет.

Он сидел, уткнувшись лицом в ладони, и плечи его вздрагивали от сдерживаемых рыданий. Мое материнское сердце разрывалось, но я знала — это необходимо. Пусть сейчас ему больно, зато потом он будет благодарен за спасение.

— Что мне делать? — спросил он глухо.

— То, что делает сильный мужчина, — ответила я. — Развестись и начать новую жизнь. Виктория давно ждет своего часа. Чудесная девушка, дочь профессора Соколова из медицинского университета. Она закончила с красным дипломом медицинский, работает в вашей же больнице. Умница, красавица, из приличной семьи. Не то что эта деревенщина с её медицинским училищем.

Виктория действительно была идеальной кандидатурой. Дочь старого друга нашей семьи, профессора медицины. Она работала в кардиологическом отделении больницы, где Славик был главврачом. Блестящее образование, безупречная репутация, прекрасные манеры. И главное — она люби-

ла Святослава уже несколько лет, терпеливо ждала, когда он поймет свою ошибку с деревенщиной.

— Виктория... — повторил Славик, и в его голосе послышались новые нотки. — Да, она... совсем другая.

— Она достойна тебя, — подтвердила я. — В отличие от этой... особы. Кстати, я знаю, что вы с Викой несколько раз ездили вместе на медицинские конференции. И она всегда была рядом, поддерживала, понимала твою работу. Не то что Марина, которая даже названия операций не может запомнить.

В его глазах вспыхнуло что-то темное. Боль трансформировалась в гнев. Именно этого я и добивалась. Славик должен был возненавидеть эту толстуху, чтобы окончательно с ней порвать.

— Она играла со мной, — процедил он сквозь зубы. — Всё это время играла, пока я, как дурак, верил каждому слову... Лживая деревенщина...

— Но теперь ты знаешь правду, — мягко сказала я. — И можешь защитить себя.

— Я не хочу её видеть, — выдохнул он. — Не хочу смотреть на эту... на неё. Даже говорить с ней не хочу.

— И не надо, — успокоила я. — Я подготовлю заявление, соглашение об имуществе и материалы для оспаривания отцовства. Развод и запись об отце всё равно придётся оформлять через установленную процедуру, но Марина подпишет бумаги и исчезнет. Ты — главный врач, тебе не нужен пуб-

личный скандал.

Он кивнул, благодарно глядя на меня.

— Спасибо, мама. Я не знаю, что бы делал без тебя.

— Я всегда защищала тебя, — сказала я. — И всегда буду защищать от недостойных людей.

В тот вечер мы наметили план. Марина должна была подписать заявление о разводе, отказ от имущественных претензий и согласие на оспаривание отцовства. Остальное адвокаты оформят через суд. Я взяла на себя документы и переговоры, пока Славик готовился к сложной операции.

Я также настояла на том, чтобы он не появлялся в роддоме. Зачем травмировать себя видом этой лживой деревенщины? Пусть узнает о его решении от меня. Это будет справедливо — она манипулировала им, теперь почувствует, каково это — быть отвергнутой.

На следующий день я поехала в роддом. В ту самую больницу, где Славик был главным врачом. Весь персонал меня знал. Медсестры приветливо кивали, врачи здоровались. Я прошла в послеродовое отделение как к себе домой.

Марина лежала в отдельной палате — Славик настоял на лучших условиях для неё. Дурак. Тратил деньги на эту толстую, которая его же и предала.

Когда я вошла, она держала на руках младенца и улыбалась. Улыбалась! Эта лгунья и изменница осмелилась улыбаться, держа на руках чужого ребенка, которого пыталась выдать за сына моего Славика.

Я швырнула на стол результаты теста ДНК и пакет подготовленных адвокатом бумаг. Смотрела, как рушится её маленький мирок, как гаснет улыбка и из глаз текут слёзы. И чувствовала удовлетворение.

Она всхлипывала, умоляла позвать Святослава, лепетала что-то о невинности. Жалкая. Она пыталась обмануть ведущего нейрохирурга страны, мать из уважаемой медицинской династии — и думала, что это сойдет ей с рук?

Я дала ей понять, что если она попытается связаться со Славиком, пожалеет. У меня связи везде — в каждой больнице, клинике, поликлинике города. Её никуда не возьмут на работу. Нигде. Она останется ни с чем. С младенцем на руках и без копейки в кармане.

Она подписала. Дрожащими руками, с размазанной тушью на щеках. Это ещё не завершало развод и не отменяло судебной процедуры, но я получила главное — её согласие исчезнуть и не спорить.

Теперь, спустя два дня, я сидела в кабинете и подводила итоги. Семья Лебедевых была спасена. Святослав, хоть и страдал сейчас, скоро оправится. А Виктория... Виктория уже получила от меня приглашение на ужин. Пора было познакомить детей поближе в новых обстоятельствах.

Что касается Марины... Ну что ж, каждый получает по заслугам. Деревенщина хотела красивой жизни за счет выдающегося хирурга — получила урок на всю жизнь. Может, теперь дважды подумает, прежде чем охотиться на мужчин

не своего круга.

Я допила кофе и посмотрела на часы. Пора было ехать к Славику. Он вчера звонил, сказал, что не может спать, мучается. Конечно мучается — сердце ещё не привыкло к правде. Но я помогу ему пережить эту боль. Я всегда защищала его. И всегда буду.

Ещё предстояло забрать вещи этой толстухи из квартиры Святослава. Он сам не мог на это смотреть, поэтому я взяла обязанность на себя. Все её дешёвые платья, косметику с рынка, книжонки — всё отправлю в благотворительность. Пусть хоть какую-то пользу принесут.

А обручальное кольцо... То самое, что Славик дарил ей в день свадьбы, я заберу. Когда он женится на Виктории, мы его переплавим в новое. Символично, правда? Из пепла ошибки родится настоящая любовь.

Я взяла сумочку и ключи от машины. На душе было спокойно. Материнский долг выполнен. Справедливость восторжествовала. Святослав — свободен от деревенщины. Впереди у него блестящее будущее с достойной женщиной.

А Марина? Марина получила то, что заслужила. И пусть она запомнит этот урок: не стоит лезть не в свой круг. Медсестричка из захолустья не пара ведущему нейрохирургу страны.

Я вышла из кабинета, с высоко поднятой головой. У меня не было ни капли сожаления. Я сделала то, что должна была сделать любая мать, защищающая своего единственного

сына.

И если ради этого пришлось незаконно получить образцы и скрыть настоящую цепочку их передачи, я не видела причины раскаиваться. Цель, внушала я себе, оправдывает средства.

Но это будет потом. А пока пусть переживает. Боль закаляет. И делает сильнее.

Деревенщина Марина Лазарева навсегда осталась в прошлом.

А будущее принадлежит Виктории Соколовой — достойной невестке из достойной семьи.

Глава 3

От лица Марины

На пятый день после кесарева, когда врачи разрешили выпустить, холодный осенний ветер резал лицо. Я стояла у порога бывшего дома в мягких ботинках без каблука. В руках — единственная сумка с детскими вещами. Данилка спал у меня на груди в тёплом конверте, не зная, что наш мир рухнул.

Дверь передо мной была заперта. Замки сменили еще вчера — быстро, эффективно, как и всё, что делала Анжела Викторовна. Без лишних сантиментов, по-деловому. Я достала ключи из кармана и тупо смотрела на них, понимая всю бессмысленность этого жеста. Металлические зубчики, которые еще неделю назад открывали мне путь в счастливое будущее, теперь были просто грудой бесполезного железа.

— Малыш мой, что же нам теперь делать? — прошептала я, глядя на спящее личико сына.

Данилка мирно спал, его крошечные губки двигались, словно он что-то сосал во сне. Наверное, мечтал о молоке. А у меня его почти не было. Стресс и отчаяние высушили источник жизни для моего ребенка так же безжалостно, как операционный свет высушивает кровь на хирургических инструментах.

Слезы катились по щекам, но я их почти не чувствовала. Что такое слезы, когда внутри образовалась черная дыра,

которая поглощает всё — надежды, мечты, веру в справедливость? Боль была настолько глубокой, что превратилась в оцепенение. Когда ломается всё и сразу, организм включает защитный механизм — перестаёт чувствовать. Иначе можно просто сойти с ума.

Соседка Елена Петровна выглянула из своего окна и тут же спряталась, заметив меня. Новости в нашем элитном районе распространялись быстрее больничных сплетен. Наверняка все уже знали: жену главного врача городской клинической больницы, самого Святослава Лебедева, выгнали с ребенком на улицу. Опозоренная изменница. Медсестричка из приёмного покоя, которая пыталась стать женой ведущего нейрохирурга страны.

Кто-то злорадствовал — ещё бы, деревенщина получила по заслугам. Кто-то сочувствовал, но никто не решился подойти. Скандал в семье известного хирурга — это как инфекция: лучше держаться подальше, чтобы не заразиться чужими проблемами.

Я развернулась и медленно пошла прочь. Мягкие подошвы почти не звучали, а каждый осторожный шаг отдавался болью в послеоперационном шве.

В кармане лежали десять тысяч рублей — всё, что дала Анжела Викторовна. Дополнительную карту, привязанную к счёту Святослава, заблокировали ещё вчера. От денег меня отрезали так же легко, как от прежней жизни.

Десять тысяч на двоих. В Москве. С новорожденным.

Я остановилась посреди улицы, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Не метафорически — буквально. Головокружение накатило волной, перед глазами потемнело, и я едва успела прислониться к ближайшему дереву. Швы после кесарева тянули, живот ныл.

«Думай, Марина, думай, — приказывала я себе. — У тебя есть ребёнок. Ты не можешь позволить себе упасть и не встать».

Куда идти? К родителям в маленький город? Они едва сводили концы с концами на отцовской пенсии. Бывший заводской мастер после выхода на пенсию всё чаще пил и до сих пор злился, что я вышла замуж за «столичного выскочку».

К подругам? Какие подруги? За три года замужества я растеряла всех. Славик не любил, когда я встречалась с девочками из медицинского училища — говорил, что с моим новым статусом мне нужно общаться в другом кругу. А другой круг так и не принял бывшую медсестру. Я зависла между двумя мирами, не принадлежа ни одному.

Работу искать? И здесь Анжела Викторовна была права — её связи повсюду. В каждой больнице, каждой клинике, каждой поликлинике города. Стоит ей сделать один звонок — и меня нигде не возьмут. Даже на должность санитарки. Жена главного врача, бывшая медсестра, опозоренная изменница — кому я нужна?

Данилка зашевелился и тихонько заплакал. Голодный

плач — я уже научилась различать. Но покормить мне было нечем. Молока почти не было, денег на смесь — считанные купюры. А у ребёнка нет времени ждать, пока мама решит свои проблемы.

— Потерпи, сыночек, — прошептала я, укачивая его. — Мамочка что-нибудь придумает.

Но что я могла придумать? В голове была пустота, как в заброшенной операционной. Мысли эхом отражались от стен черепа и исчезали, не принося ни утешения, ни решений.

Я дошла до ближайшего кафе и остановилась у витрины. Внутри было тепло, уютно, пахло кофе и свежей выпечкой. Люди сидели за столиками, разговаривали, смеялись, жили своей обычной жизнью. А я стояла снаружи, как нищенка у церковных ворот, и смотрела на этот мир сквозь стекло.

Жена главного врача престижной больницы. Жена ведущего нейрохирурга страны, чьи статьи публикуются в международных журналах. И вот я — с младенцем на руках и десятью тысячами в кармане, не знающая, где буду спать сегодня ночью.

— Девушка, вам помочь? — голос за спиной заставил меня обернуться.

Передо мной стояла женщина лет пятидесяти, в простом, но чистом пальто. Лицо доброе, глаза участливые. Обычная московская тётя, которых тысячи в этом городе. Такие работают в регистратурах поликлиник, в социальных служ-

бах, помогают людям.

— Я... — я запнулась, не зная, что сказать.

— У вас малыш плачет, — мягко сказала женщина. — И вы сами бледная как стерильный бинт. Когда последний раз ели?

Когда? Я попыталась вспомнить и поняла, что не могу. Вчера в больнице? Позавчера? Время слилось в один сплошной кошмар.

— Не помню, — честно призналась я, и голос дрогнул.

— Пойдёмте, — женщина решительно взяла меня под руку. — Я Галина Ивановна. А вас как зовут?

— Марина... Марина Лазарева.

— Очень приятно. А малыша?

— Данила.

— Красивое имя, — Галина Ивановна улыбнулась. — Пойдёмте, Мариночка. Накормим и вас, и Данилку.

В кафе было тепло. Невероятно, нереально тепло после холода улицы и холода предательства. Галина Ивановна усадила меня за столик у окна и принесла горячий чай с лимоном.

— Пейте, — сказала она. — А я смесь для малыша куплю. У меня внук тоже маленький, знаю, что нужно.

Я хотела возразить, сказать, что не могу принимать милостыню от незнакомых людей. Но Данилка плакал всё громче, и материнский инстинкт заглушил всё остальное. Моему ребёнку нужна еда, и неважно, откуда она берётся.

Чай обжигал губы, но я пила жадно, чувствуя, как тепло разливается по телу. Первый глоток жизни после дней в аду.

Галина Ивановна вернулась с детской смесью и бутылочкой.

— Разведём водичкой, и Данилка покушает, — сказала она, хлопоча над бутылочкой. — А вы рассказывайте, что случилось. Может, вместе что-то придумаем.

И я рассказала. Не всё — как можно рассказать незнакомому человеку о том, что твоя жизнь рассыпалась как карточный домик? Но главное: что муж выгнал с ребёнком, что денег почти нет, что идти некуда.

Я не говорила, кто мой муж. Не называла имени Святослава Лебедева. Не упоминала, что он — главный врач больницы, знаменитый нейрохирург. Слишком больно было произносить эти слова вслух. Слишком унижительно признавать, что жена такого человека оказалась на улице.

Галина Ивановна слушала молча, изредка покачивая головой. Когда я закончила, она долго молчала.

— Ужас какой, — наконец сказала она. — Как же так можно? Жену с младенцем на улицу... А работу искали?

— Я... я медсестра, — призналась я. — Но мне нигде не дадут работу. У... у его семьи связи в медицинских учреждениях. Везде.

Это была правда. Анжела Викторовна со своими связями, Святослав — главный врач крупнейшей больницы. Одного их слова хватило бы, чтобы меня нигде не взяли. Даже на

должность уборщицы в поликлинике.

Данилка жадно сосал смесь из бутылочки, и я смотрела на него со смесью нежности и отчаяния. Он был таким крошечным, таким беззащитным. И он полностью зависел от меня — от женщины, которая сама не знала, как выжить.

— Я работаю в социальной службе, — сказала Галина Ивановна. — Есть кризисный центр для женщин с детьми. Сегодня вас смогут принять экстренно, а документы и временную регистрацию оформим потом. Комната маленькая, условия скромные, но будет крыша над головой.

Общежитие. Я, которая ещё неделю назад жила в пятикомнатной квартире в центре Москвы, должна была идти в общежитие для бедных. Я, жена главного врача, бывшая супруга ведущего нейрохирурга страны...

Гордость взбунтовалась, захотела сказать «нет», что я как-нибудь сама справлюсь.

Но один взгляд на Данилку отрезвил меня моментально. У меня нет права на гордость. У меня есть только ответственность перед этим маленьким человечком.

— Согласна, — сказала я, и слово прозвучало как приговор моей прежней жизни.

Кризисный центр находился на окраине города, в старом кирпичном здании. Коридоры пахли хлоркой и чужой едой, стены были выкрашены в зелёный, линолеум протёрся у дверей. После прежней квартиры всё казалось нереальным.

Комната была временной: железная кровать, узкий шкаф,

раскладной стол и детская кроватка, которую сотрудники нашли для Данилки. Туалет, душ и кухня — общие на этаже.

— Сегодня отдыхайте, — сказала дежурная. — Завтра социальный работник поможет с документами, пособиями и поиском жилья. Здесь безопасно, но правила соблюдать придётся.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Ещё несколько дней назад я была женой известного хирурга, посещала приёмы в больнице, общалась с профессорами медицины. А теперь выслушивала правила общежития для неблагополучных.

Когда дверь захлопнулась, оставив нас с Данилкой наедине, я села на скрипучую кровать и наконец позволила себе заплакать. По-настоящему, навзрыд, как плачут, когда им очень больно.

Слёзы катились по щекам горячими ручьями, смывая остатки косметики, гордости, иллюзий. Я плакала по прежней жизни, по разбитым мечтам, по любви, которая оказалась миражом. Плакала по себе — той Марине, которая ещё неделю назад планировала детскую комнату и выбирала обои вместе с любящим мужем. Той Марине, которая работала медсестрой и мечтала о семье с талантливым хирургом.

Данилка лежал рядом и тихонько всхлипывал, словно чувствовал моё отчаяние. Я взяла его на руки и прижала к груди.

— Прости меня, малыш, — прошептала я. — Прости, что мамочка не смогла защитить тебя. Не смогла дать тебе нормальную семью.

Но даже сквозь слёзы, сквозь боль, во мне теплилась крохотная искорка. Мы живы. Мы вместе. И пока моё сердце бьётся, я буду бороться за нас обоих.

За окном садилось солнце, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Как кровь в операционной, когда хирург делает первый разрез. Новый день заканчивался, а вместе с ним заканчивалась старая Марина — наивная, доверчивая, мечтательная. Медсестричка, влюблённая в талантливого врача.

Завтра проснётся другая женщина. Более жёсткая, более сильная. Женщина, которая будет драться за каждый рубль, за каждую возможность, за каждый день жизни своего сына.

Жизнь научила меня первому жестокому уроку: никто не придёт тебя спасать. Спасать нужно саму себя. И я спасусь. Не для себя — для него. Для Данилки, который не виноват в том, что его мать оказалась недостойной великого хирурга.

Я встала с кровати и подошла к окну. Во дворе горел фонарь, освещающий пустую детскую площадку со сломанными качелями. Завтра я начну искать работу. Любую — уборщицей, продавщицей, кем угодно. Только не в медицинской сфере, где связи Анжелы Викторовны закроют все двери.

Может, в магазине. Может, в уборке офисов. Не важно. Главное — прокормить нас обоих.

«Что нас не убивает, делает нас сильнее», — вспомнила я чьи-то слова. Посмотрим, насколько сильной способна стать бывшая жена ведущего нейрохирурга, оставшаяся на улице

с грудным ребёнком на руках.

Посмотрим.

Я оглядела убогую комнату, которая теперь была моим домом. Три метра на четыре. Вся моя жизнь уместилась в двенадцать квадратных метров. Когда-то у меня была квартира в центре Москвы, муж — главный врач больницы, будущее, полное надежд.

А теперь — ничего. Только Данилка и я. И эти двенадцать квадратных метров нищеты.

Я легла на кровать, прижимая сына к себе. Завтра начнётся новая жизнь. Страшная, неизвестная, полная трудностей. Но это будет моя жизнь. И я сделаю всё, чтобы мой сын вырос счастливым.

Даже если для этого придётся забыть про гордость, про прошлое, про боль.

Даже если придётся стать совершенно другим человеком.

Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Святослав, когда-нибудь ты узнаешь правду. Когда-нибудь поймёшь, что твоя мать разрушила нашу семью. Но будет уже поздно.

Слова растворились в тишине комнаты, и я уснула, обнимая единственное, что у меня осталось в этом мире.

Моего сына Данилу.

Ребёнка, которого любила сильнее собственной жизни.

Глава 4

От лица Марины

Три месяца в общежитии научили меня жить по-новому. Просыпаться от плача соседского ребёнка в пять утра, стоять в очереди в душ, варить кашу на общей кухне, где постоянно что-то подгорало. Экономить каждую копейку, покупать самое дешёвое детское питание, латать Данилкины распашонки. Но самое главное — они научили меня замечать мелочи, которые раньше казались несущественными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.